

ОЛЕГ РАИН

Все дети — гении

Олег Раин

Все дети – гении

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51618618

ISBN 9785449842121

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Тема воспитания – одна из тех, что будут обсуждаться ровно столько, сколько живет человечество. Этому есть объяснение, поскольку каждый ребенок начинает жизнь с чистого листа – практически с нуля. Опыта человечества для него не существует, а вот родители, школа, образовательные заведения являют собой ту данность, с которой приходится иметь дело. Нужно ли ему помогать, и что в помощи взрослых важнее всего – об этом и идет речь в данной книге.

Содержание

Все дети – Гении!	5
Слово от автора	5
Глава 1 О гениях	7
Глава 2 Они просто Другие!	16
Глава 3 Они и Мы	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Все дети – гении

Олег Раин

© Олег Раин, 2020

ISBN 978-5-4498-4212-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все дети – Гении!

Слово от автора

Тема воспитания, бесспорно, вечная – из тех, что будут обсуждаться ровно столько, сколько живет человечество. Этому есть объяснение, поскольку каждый ребенок начинает жизнь с чистого листа – практически с нуля. Опыта человечества для него не существует, а вот родители, школа, образовательные заведения являют собой ту данность, с которой приходится иметь дело. Но какими наши дети приходят в этот мир, насколько мы, взрослые, готовим их или не готовим к первым важнейшим встречам с окружающим, готовы ли сами к столь фантастически сложной процедуре, как Воспитание ребенка?

Перинатальный период, раннее детство, начальные классы, взросление и такая непростая – одновременно романтическая и депрессивная, наивная и циничная, нежная и суровая Юность – все это никогда не уместится в единый стройный учебник. Время, когда наши дети одной ногой еще стоят в отрочестве, а другой уже прочно попирают мир взрослых, всегда будет зыбким и до головокружения переменчивым. В каждом из этих детских и подростковых периодов существует масса своих секретов, но и те меняют свои па-

роли-логины практически ежегодно. Бесспорно, выбирая те или иные методики воспитания, ту или иную стратегию, мы способны влиять на качество образования, помогая нашим детям не просто уцелеть в сегодняшних непростых реалиях, но и вырасти полноценными личностями. При этом смысл жизненных барьеров, по моему глубочайшему убеждению, заключен не в *мучительном* преодолении последних, а преодолении обязательно Радостном и Азартном, обогащающем ребенка знаниями, опытом, а главное – жизненной *мотивацией*. Не родится *желание познавать*, не будет и результата, и неудивительно, что именно на мотивационной платформе базируются наиболее передовые методики воспитания.

Не усидчивость, но активное участие в обучающем процессе! Не дисциплина, а осознанная ответственность! Не хмурая подчиненность, а творческая жажда аккумулировать новые и интересные знания, пускать их в ход, расти каждый день и каждый год – вот краеугольные камни, о которых мы будем беседовать в последующих главах.

Глава 1 О гениях

«Мама научила меня читать до того, как я пошел в школу; когда я попал туда, мне хотелось делать всего две вещи. Я хотел читать книги и гоняться за бабочками. В школе я столкнулся с тем, чего раньше никогда не встречал – с необходимостью подчиняться, и мне это очень не понравилось. На меня давили авторитетами и тем самым едва не лишили всей моей любознательности»...

Стив Джобс

Да, я, действительно, убежден в том, что все наши дети – гении. Это не красивая фигура речи, это правда. Не самая веселая, поскольку из всех этих потенциальных гениев мы с поразительным упорством кроим и шьем себе подобных – самых обычных граждан, более или менее способных, худо или бедно состоявшихся, обывателей.

Справка из энциклопедии: «Обыватель – человек, лишенный общественного кругозора, отличающийся косными мещанскими взглядами, живущий мелкими, личными интересами». Да, вроде бы не злодей и не преступник, однако все равно безрадостно и не слишком лестно. А теперь подробнее рассмотрим и само понятие «гениальности». Так вот, за минувшие тысячелетия данный термин успел пережить не столь уж много трактовок, и, тем не менее, каж-

дый новый век люди привносили в данное понятие свои особые смыслы. Скажем, в римской мифологии гениями именовали духов-хранителей, «преданных людям, предметам или каким-то определенным местам, ведающим появлением на свет своих „подопечных“, и определяющих характер человека или атмосферу местности». А уже в начале XVIII века аббат Дюбо выдал качественно иное определение: «Гениями называют способность, которую человек получил от природы и которая позволяет ему хорошо и с легкостью делать то, что другие делают очень плохо, даже если прикладывают к тому массу усилий»...

Пожалуй, закономерно, что рассуждая о скрытых детских способностях, в свое время ввели в оборот столь же модное, сколь и туманное: «дети-Индиго». Ничего удивительного, подобными вербальными новациями в нас всякий раз срабатывает нереализованный оптимизм, попытка обрести то, что многие из нас ощущают лишь крайне смутно. «Индиго» – своего рода метафора и мечта, естественное желание людей оставить после себя не полчище ходячих кошельков и желудков, а потомков, готовых достраивать и раскрашивать во все цвета радуги полученные в наследство мрачные хижины, превращая их во дворцы и роскошные башни, окружая населенными живностью садами, бережными мазками разгоняя над ними небесную хмарь.

Сказочно и, может быть, излишне «пушисто», но это только подтверждает, что мы на верном пути, что поиск идеаль-

ного и гениальности в человеке – вовсе не утопия и не бред сумасшедшего, что именно этим занимались философы всех времен и народов.

Известно, что и поныне здравствуют институты, где серьезно изучаются аномальные способности взрослых и детей. Люди в погонах все чаще и охотнее делятся с экрана былыми секретами, рассказывая, что до 5 лет те или иные экстрасенсорные особенности организма отмечаются у подавляющего числа детей. Далее, никем не востребованные, не развиваемые и не поддерживаемые, они в массе своей сходят на нет. Однако и те редкие случаи, что сохраняют в себе крохи уникальных возможностей, в реалиях не столь уж малочисленны. Если верить офицерам спецслужб, в списках советских времен на постоянном учете значилось около десяти тысяч всевозможных уникамов. Поэтому, наблюдая коловращение колдунов и ведунов на тех или иных телешоу, не будем спешить с критическими выводами. Постановок и шарлатанов там, безусловно, хватает, но есть, скорее всего, и реальные фигуранты с уцелевшей экстрасенсорикой. Но сейчас я говорю не о чудесах и не о колдунах, я лишь пытаюсь увязать гениальные свойства людей с аномальными способностями. Так есть ли между ними связь? Можно ли именовать гениальность экстрасенсорным феноменом? А почему бы и нет? Между прочим, именно об этом говорили многие из гениев. О ноосфере писали Бергсон, Флоренский, Леруа, Вернадский и Бехтерев, о ней же откры-

то говорил Николо Тесла, и так или иначе поминало великое множество поэтов и художников. Многие из них подобно Менделееву и Маккартни черпали часть своих знаний напрямую из снов. Да и само понятие «вещий сон» явно родилось не на пустом месте. Но вернемся на грешную землю и помашем опахалом, разгоняя волшебный флер. Никакого колдовства, никакой эзотерики. Во всяком случае, мне, как человеку с техническим образованием интереснее и удобнее рассуждать о гениальности, как о чем-то вполне материальном и в принципе объяснимом, действительно присущем подавляющему числу детей. Собственно, об этом я и пытаюсь говорить на всех возможных площадках:

гениальность – всего лишь совокупность природных свойств, способных раскрывать наши способности в той или иной сфере человеческой жизнедеятельности, однако не раскрывающих по причине утраты означенных способностей уже к 10—12 годам.

Что же касается широкой палитры детских способностей, то, скорее всего, стоит прислушаться к ученым, утверждающим, что».. подобно эмбриону, перебирающему стадии былого развития, природа и после рождения индивида некоторое время по инерции прогоняет атавистические образы прошлого, помогая ребенку с адаптацией и по сути предлагая нам нечто такое, чего чаще всего мы в слепоте сво-

ей не видим». Вероятно, это похоже на правду, и ничего фантастического тут нет. Люди, серьезно изучающие мозг, лучше других понимают, какая неведомая мощь заключена в двух полушариях, теснейшим образом заполненных миллиардами нейронов и сотнями тысяч сложнейших нейроцепей. Представляя все это, несложно допустить комбинации, при которых как раз и будут выявляться те самые сверхчувствительные и сверхскоростные способности, что как раз и отличают категорию гениальности.

Если все же говорить о современных трактовок, то в массе своей они довольно схожи. Согласно им, гений – это человек, наделенный незаурядным умом и талантом, достигший непревзойденных результатов в какой-либо сфере деятельности, а то и разом преуспевший в нескольких разнородных ипостасях. Словом, супер-пупер и самый-самый, сумевший выделиться не только в среде современников, но и сказавший свое веское слово далеким потомкам. Говоря иначе, речь идет уже не просто о каком-то одиночном следе, а о подобии тропки, по которой продолжает двигаться благодарное человечество. Только вот, рассматривая биографии выдающихся людей, мы сразу упираемся в ряд любопытных нюансов.

Для затравки – лишь парочка примеров.

Не удержусь и начну с нашего замечательного Александра Сергеевича. Вот часто приводимая выдержка из статьи проф. А. И. Кирпичникова «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», посвященная Пушкину (1890 —

1907).

Куницын, профессор логики и нравственных наук писал о юном Пушкине: «весьма понятен, замысловат и остроумен, но крайне не прилежен. Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень не велики, особенно по части логики».

Соученики именовали Пушкина «французом» – возможно, за отличное владение французским языком, но следует заметить, что в 1811 и последующих годах подобное прозвище нельзя было считать похвальным эпитетом. Не слишком красил будущего гения и вспыльчивый характер. Нередко лицеист сам провоцировал товарищей на ссоры. При этом, по отзывам соучеников – юный Александр не отличался находчивостью в спорах, из-за чего раздражался еще больше, зачастую наговаривал такое, о чем сам же позднее и сожалел.

Еще один немаловажный штрих: «Предаваясь неумеренной веселости днем, Пушкин часто проводил бессонные ночи в своей комнате, то обливаясь слезами и обвиняя себя и других, то обдумывая способы, как бы изменить к лучшему свое положение среди товарищей». На выпускных экзаменах лишь в трех предметах – фехтовании, русской и французской словесности он получил наивысший балл.

Из 29 выпускников первого лицейского выпуска Пушкин был по успеваемости 18-м. Да, не последним, однако и не первым. Далек не первым.

И что из этого следует?

Да ровным счетом ничего. Читая многочисленные воспоминания и отзывы, мы видим перед собой живого и неравнодушного человека – со своими достоинствами и недостатками, скорее всего, не кажущегося окружающим чем-либо «особенным». Все пришло к Пушкину несколько позже – уже в свободном плавании. Ярче засверкала поэтическая лира, и что особенно примечательно – проявился интерес к наукам: к истории, географии – даже к математике, успехами в которой, будучи лицеистом, Пушкин отнюдь не блистал. Хорошо известно и о его теплом отношении к Николаю Лобачевскому, с которым поэт был весьма дружен. К слову сказать, интерес к математике обнаруживается в творчестве Пушкина довольно часто. Между прочим, и тема гениальности поэта также крайне интересовала. Загадкам гениев посвящены многие его строки. Сохранились сведения о том, что Пушкин намеревался работать над биографией Н. Г. Курганова (1725—1796) – талантливого самородка, сына солдата, ставшего в тридцать девять лет профессором математики и навигации.

Другой пример – Альберт Эйнштейн, юные годы которого давно превратились в подобие анекдота. Тому есть веские основания, поскольку в детстве маленький Альберт очень долго не мог научиться элементарно говорить и даже вынужден был ходить к врачам. Окружающие его люди, включая родню и домашнюю прислугу, откровенно называли мальчика «тупицей», «умственно недоразвитым». Никто не пророка

чил ему не то что великого будущего, но даже самого серенького и приемлемого существования. Сегодня диагноз юного Эйнштейна вполне могли бы определить как ЗПР (заторможенное психическое развитие), поместив мальчика в соответствующее учреждение. К этому стоит добавить крайне строптивый нрав будущего ученого, весьма критично относившегося к любым авторитетам, в результате чего на уроках нередко происходили форменные скандалы. Один из учителей, всплыв, попросту выгнал его из школы. И неудивительно! – заторможенная речь, невнятные мысли «вразрез учебникам» – такое мало кому могло понравиться. Педагогический коллектив единодушно полагал, что из подобного ученика не выйдет ничего хорошего. Что получилось в итоге, мы все прекрасно знаем. Квантовая теория, теория относительности...

Кроме Пушкина и Эйнштейна весьма схожие истории можно поведать о Бенджамине ФранкLINE, Леонардо да Винчи, Вольфганге Моцарте, Константине Циолковском, Николо Тесла, Михаиле Ломоносове, Андрее Платонове и так далее, и так далее. Перечень гениев обширен, и, самое смешное заключается в том, что прилежных и усидчивых учеников, коими довольно было бы педагогическое сообщество, отыскать среди них крайне непросто. Да и с детством у многих будущих гениев всё складывалось не слишком удачно. Как вздыхал Антон Павлович Чехов: «В детстве у меня не было детства»...

Но речь не о тех гениях, о которых знает все мировое сообщество, на этих страницах мы будем говорить о гениях-призраках, о гениях, так себя и не проявивших, увы и увы. А это, без преувеличения, абсолютное большинство людей, что нас окружает. И посему повторяюсь, высказав позицию, в правоте которой уверено немалое количество мудрейших педагогов:

Бездарных детей не существует в принципе, и все, что требуется от армии учителей, родителей и воспитателей, это искать и находить жемчужины талантов, трепетно и умудренно давая им возможность проявлять себя в нашем непростом мире.

Глава 2 Они просто Другие!

«Если ты хочешь построить корабль, не надо созывать людей, планировать, делить работу, доставать инструменты. Надо заразить людей стремлением к бесконечному морю. Тогда они сами построят свои корабли...»

Антуан де Сент-Экзюпери

Ничего не попишешь, эгоцентризм на сегодняшний день – норма. Практически как геоцентризм в античные времена. Наверное, в какой-то степени именно таковые мы сейчас и переживаем. Отсюда и понимание того, что экстраполяция нам всегда давалась и дается куда проще интерполяции. Иными словами мир мы мерим по себе, точка отсчета – в нас самих. И собственных детей мы также сравниваем прежде всего исключительно с собой. Не самый надежный фундамент для всестороннего анализа, но какой уж есть.

В самом деле, если нам понятно – значит, и ребенку *должно* быть понятно. Нам стыдно, значит, и им положено краснеть. Только вот получается все опять как-то не так. И хорошо, наверное, что не получается. Вспомните хотя бы свои многочисленные обиды, – уж мы-то, взрослые выучились обижаться мастерски! И горечь затаиваем, и камушки за пазухой скрупулезно складировем, и месяцы напролет затачиваем мысленный меч отмщения. Отчуждая от себя тех, кто

нас обидел, забывая тысячи мелочей и важных нюансов, картинку обиды, тем не менее, храним на груди, ближе к сердцу, мысленно прорисовывая в мельчайших оттенках и до ничтожных пикселей. Не правда ли, великое достижение! – умение глубоко и надолго обижаться.

А вот у детей, о чудо! – этого нет. Просто нет – и все тут. Память их поразительно всепрощающая, природный фильтр очищает их от этого вздора в считанные минуты. Просто удивительно, каких только грехопадений они не готовы простить своим родным и близким. Наше срывы и наши предательства, наше сквернословие и наше рукоприкладство – все мутью оседает на дно. Оглянитесь, понаблюдайте и призадумайтесь – это ведь тоже дар. Замечательный и очевидный. Мы же наоборот – нередко ставим в вину их забывчивость, не поймав того, что этому следовало бы порадоваться. Да, наше чадо нашло, получило нравоучительную пилюлю, надулось. Точнее – надулись мы вместе с ним. Однако прошло минут пять, и ребенок вновь весел, он улыбается, он рвется с нами играть и разговаривать, играть, но не тут-то было! Уж мы-то взрослые – обиды свои помнить умнеем. И коли нашкодничал – держи ответ! А мы еще не простили и не отошли медлительным сердцем, не перекипели праведным гневом. И, разумеется, мы сурово напоминаем беспмятному отпрыску, кто он есть, за что поставлен в угол и что именно он должен чувствовать по поводу содеянного.

Но в том и парадокс, что он уже не чувствует и не пом-

нит! И совсем даже не нужно напоминать о том, что стерло его детское всепрощающее сердце – эта лучшая из всех возможных соломинок, ежедневно спасающих наше мироздание. Только представьте на миг, что было бы с нашими детьми, запоминай они все свои малые и большие преступления, все наши праведные и неправедные наказания. Честное слово, мир давно бы сошел с ума, поскольку, скажем честно, по большей части наше воспитание – бред и неврастения, оправдываемые разве что нашей тотальной безграмотностью.

Все наши фобии, неврозы, дурные и странные привычки – все корнями проистекает из детства. Багаж, который мы привычно тянем за собой из прошлого, никак отчего-то не теряется в дороге. Так стоит ли нагружать этим хламом наших детей? Дважды и трижды подумаем.

И конечно же, взрослые крайности: самое печальное и безответное. Бить или не бить? Осуждать или хвалить? Нельзя или можно? Предлагать или приказывать? Воспитывать или во всем полагаться самотек и судьбу?

В самом деле, как же трудно выискивать ответы на столь простые вопросы, однако выхода нет: нужно пройти по этому тонкому тросу, при этом постаравшись не упасть вправо и влево. Хотим мы того или не хотим, а жизнь – и есть затянувшееся балансирование – от старта и до самого финиша. И легче не будет ни в начале, ни в самом конце. Расслабимся, потеряем ориентировку с бдительностью – непременно

потеряем равновесие и упадем.

Да, нам не хватает знаний и опыта. Мы просто обречены на геоцентрическое суждение об окружающем, это естественно – откуда еще нам брать свежие примеры, оценочные сравнения, правила и поведенческие алгоритмы, как не из собственного куцега жизненного опыта? И, разумеется, родное полузабытое детство закономерно берется в качестве опорного сигнала, если хотите – в качестве базового эталона, по которому мы отваживаемся судить о подрастающем поколении.

Это ни плохо, ни хорошо, это всего лишь одна из существующих данностей. Как нас воспитывали, так вольно или невольно пытаемся воспитывать и мы. Иных фундаментальных знаний у нас нет, и если согласиться с утверждением о том, что число успешных воспитателей невелико, то и мы с вами почти наверняка попадаем в число не самых способных педагогов. И вы, и мы вновь наступаем на старые грабли, набивая одни и те же шишки, учась практически с нуля и неизменно на собственных горючих ошибках. И это тоже суровые реалии, поскольку собственный опыт большинства людей, к сожалению, далек от идеала. Кроме того, существенные перемены вносит и хронологическое торнадо. Проще говоря – время. Давайте принимать как факт: дети сегодняшние во многом совершенно не похожи на нас вчерашних. И речь здесь не о том, кто хуже, а кто лучше, они – просто другие, и с этим следует считаться.

Да, это так: мы в их годы не играли в гаджеты! Но их (гаджетов) и не было.

Зато мы играли в футбол и читали книги! Все верно, но сегодняшние дети играют в виртуальные игры, и число их ничуть не меньше того количества книг, что когда-то прочли мы.

Но разве можно сравнивать эти вещи!?

Правильно, нельзя, но они-то этого не знают и потому сравнивают. Легко и незадумчиво.

А еще мы в их годы не грубили старшим. И это тоже правда. У нас (не у всех, конечно, у большинства) – были иные отношения со старшим поколением. И именно поэтому сегодняшние вольности с современной раскрепощенностью нас изрядно раздражают. Но это лишь условная разница. Мы были более дисциплинированы, но были при этом и более затюканы. Поэтому не стоит искать в этом однозначных минусов и плюсов. По-своему, ценно и то и другое. Как, впрочем, и ущербно.

Сегодняшний век обильной информации заставляет глиссировать и скользить по поверхности, а мы, лишенные этой пестроты, этого изобилия, поневоле вынуждены были нырять вглубь, изобретать и сочинять нечто свое, готовым игрушкам противопоставляя самодельные, помноженные на собственное рукотворчество, одноразовости предпочитая прочную надежность, подкрепляя ее бережливостью. В одних и тех же добротных сапожках могли ходить дети

двух и трех поколений, иные музейные раритеты, школьные пособия и приборы запросто могут служить и сегодня. Наше условно нищее время не радовало, но и сегодняшнее вещевое половодье по зрелому мышлению приводит порой в ужас. Особенно когда созерцаешь многокилометровые котлованы свалок или на дне чистейших морей вместо камней, песка и кораллов видишь побочные продукты человечества. И снова безысходные вопросы: что лучше, что хуже и что в первую очередь нужно им – нашим детям. Да, мы не несем ответственности за скудность былых прилавков, но и сегодняшнюю детвору сложно порицать за любовь к шопингу. Просто так уж получилось, что родителям и детям достались разные времена – нам зипун с валенками, им – «худи» и «тайтсы» с кроссовками. А с другой стороны...

В Италии в причудливом музее Кастельвекьо висит интереснейшая картина «Девочка с рисунком» Джованни Карото. Девочка держит лист, на нем – лохматый человечек: палочки ножки, прямоугольное тельце. Что-то вроде нашего палка-палка, огуречик... Думаю, именно простота и правдивость картины сделала ее чрезвычайно популярной. Предельно искреннее полотно яснее ясного объясняет, насколько все мы похожи – не только в географической протяженности, но и во времени. И вновь подтверждается бородастая истина: у них, у детей, все и впрямь начинается с чистого листа, с простодушных палочек и кружочков – как за границей, так и у нас, как в века Ренессанса, так и в веке двадцать

первом. А значит, ей богу, стоит иногда позабыть о наследии мнимого генофонда, забыть о научно-техническом прогрессе, о вывернутой наизнанку моде и прочей новопридуманной шелухе, и, взглянув на шедевр Карото, вспомнить то общее, что всех нас объединяет.

Глава 3 Они и Мы

«Если увлеченно заниматься любимым делом, можно пропустить даже апокалипсис».

Макс Фрай

В одном из небольших уральских городков у меня случилась удивительная встреча. Писатели их не баловали, приезжали нечасто, и потому в зал (довольно внушительный) постарались привести как можно больше желающих. И так вышло, что наряду с двумя курсами студентов возле стеночки на принесенных лавках разместили первоклашек. Подобное сочетание у меня встретилось впервые, и, честно скажу, было крайне непросто обращаться одновременно к маленьким читателям и аудитории практически взрослой. Тем не менее, изрядно намучившись и попыхтев, выступление свое я провел и в глубокий сон зрителей, кажется, не вогнал. Но финал вышел все-таки неожиданный. Когда пришел черед вопросов, взрослая аудитория стала смущенно переглядываться, а вот над рядами детских головок взметнулся лес рук. Впрочем, изумила не столько готовность детей к разговору, сколько сами вопросы:

- А верите ли вы в любовь?
- Что делать, чтобы найти настоящего друга?
- Как вы думаете, есть ли жизнь после смерти?
- Если друг сделал вам плохое, можно ли его простить?..

Да, было много и других вопросов – куда более наивных и детских, но некоторые высказывания заставляли меня горячечно напрягать голову, чтобы не угодить впросак, не ляпнуть какую-нибудь банальность. Честно признаюсь, детки меня удивили и восхитили. Но было и кое-что другое...

Спустя некоторое время я обратил внимание на то, какими глазами смотрела взрослая аудитория на своих малолетних соседей. Не знаю уж – насколько белая, черная или серо-зернистая, но это была откровенная зависть. Наблюдая, с какой раскрепощенной увлеченностью их юные земляки задают вопросы, уточняют те или иные детали беседы, более взрослые ребята никак не могли заставить себя разговариваться. Более того – не помогали и мои провокации. Это был какой-то пугающий ступор. Виновата была даже не стеснительность, а нечто иное, что безжалостно метит всех подрастающих, необратимо минующих так называемый фильтр сегодняшней социализации. Студенты, в самом деле, не умели элементарно общаться! Вероятно, они даже не очень себе представляли, о чем можно спрашивать пишущего гостя. Я видел, что им интересно слушать ответы, и с тем же интересом они внимали детям, измышляющим каверзные вопросы, но на многих лицах откровенно угадывалось что-то вроде обиженного осознания того неприятного факта, что сами они уже не способны на столь живой обмен мнений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.